

Часть I. Курганы и клады енисейских кыргызов.

Второй тип погребений

4. Уйбатский Чаа-тас.

Крупные каменные курганы этого Чаа-таса протянулись на север от огромного земляного кургана, раскопанного в 1889 и 1890 гг. Д. Клеменцом (план, рис. 19). В большинстве случаев они расположены парами с запада на восток, иногда настолько тесно, что сливаются друг с другом. Вокруг них рытвины, отвалы, а с восточной стороны располагаются могилы, отмеченные на поверхности кольцом или небольшой насыпью из камней. Всего в самой восточной цепочке насчитывается 16 каменных насыпей. Они в плане округлой или подчетырёхугольной формы. Насыпи состоят из большого количества крупных и мелких обломков плитняка девонского песчаника, который для сооружения этих курганов должен был сюда привозиться не ближе, чем за 3-4 километра. Эти насыпи окружают расположенные четырёхугольником, врытые вертикально, но далеко не так прямо и

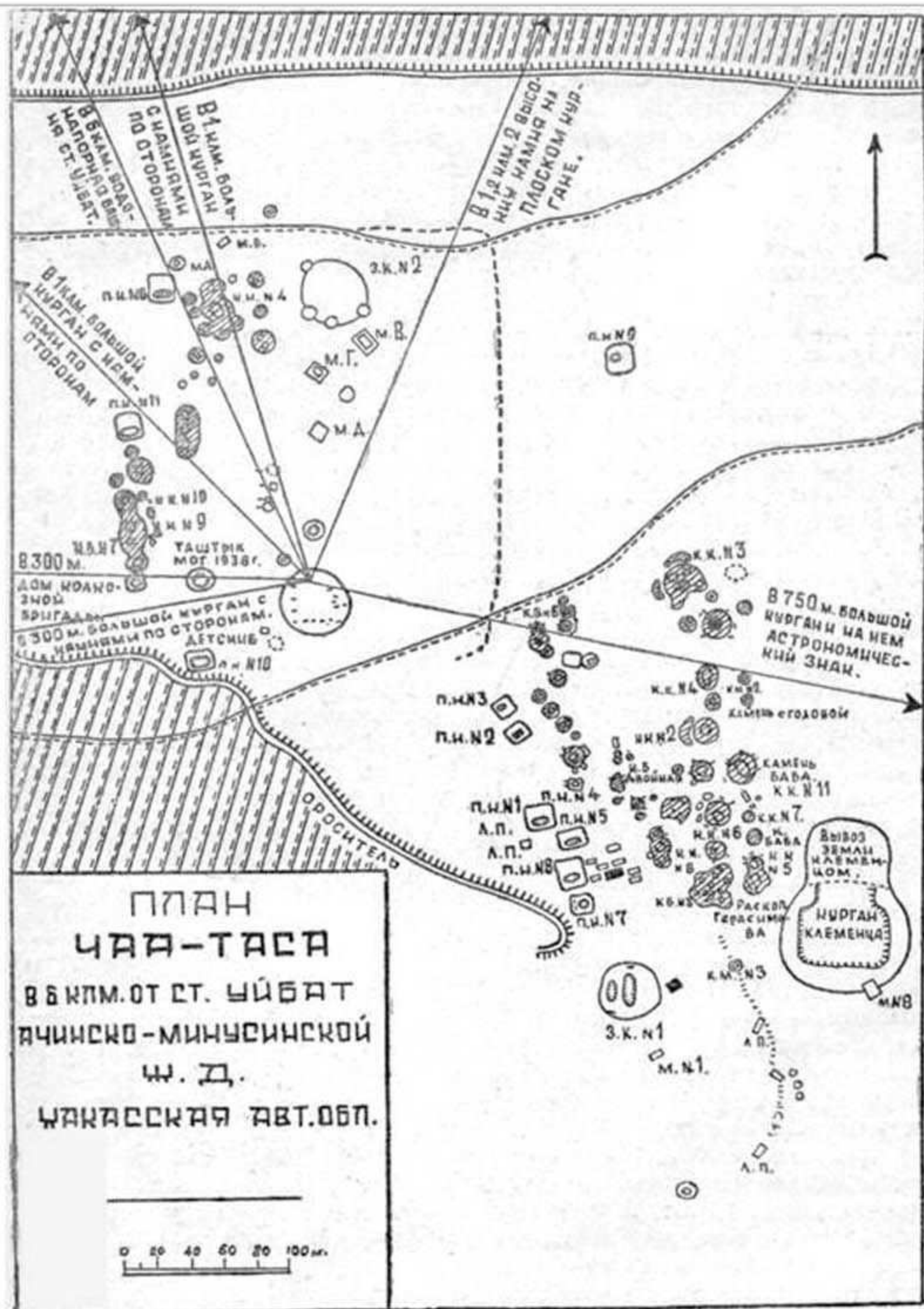

Рис. 19. План Уйбатского Чаа-таса.

аккуратно, как это мы видели на тагарских курганах каменные плиты и столбы. Эти камни свозились отовсюду, и здесь мы имеем плиты с выбитыми на них изображениями времени тагарских курганов и карасукские каменные изваяния. Несомненно также, что часть стел была взята с известного ряда камней, протянувшихся вдоль западной стороны Клеменцовского кургана. При раскопках в 1936 году С.В. Киселёву удалось выяснить, что этот ряд был наставлен в таштыкское время.

Все каменные курганы имели на насыпи следы грабительских раскопок в виде траншей и рытвин. Один из них, предпоследний с севера, был раскопан четырёхугольным колодцем экспедицией Гос. Русского музея под руководством С.А. Теплоухова.

В этой цепочке Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С.В. Киселёва в 1936 и 1938 гг. были раскопаны 7 курганов и в 1936 году М.М. Герасимовым[6] произведены раскопки 2-х курганов, с которых были выкопаны и увезены в Гос. Эрмитаж по одному карасукскому каменному изваянию из камней, окружавших насыпь кургана.

В 130 м к северо-западу от этой цепочки находится ещё одна цепочка, состоящая из 3-х каменных курганов, окружённых стелами. В 1936 году эти курганы также были раскопаны Саяно-Алтайской экспедицией[7] (№№ 8—9—10).

В современном виде крупные каменные курганы имели в плане неправильную округлую форму (высотой до 1,75 м, диаметром от 5 до 12-14 м). Однако раскопками было установлено, что это является результатом разрушения, особенно кладоискательского, а первоначально насыпи курганов были сложены из плиток иногда даже правильной кладкой и имели иногда вид квадратной «плиты», помещавшейся внутри четырёхугольника, образованного каменными стелами.

Особенностью двух курганов (№ 2 и 3) явилось наличие у них с западной, а у № 3 — с северной стороны валообразных окаймлений из плитняка, сделанных сейчас же за линией стел.

Раскопки этих валов обнаружили под ними до 2-х, 3-х небольших ямок, заполненных обожжёнными костями с углями.

В одной северной ямке вала кургана № 2 были найдены обломки грубого горшка и кыргызской вазы.

Под насыпями курганов №№ 1, 2, 3, 6, 8 и № 1 из раскопок М.М. Герасимова в центральной части было открыто по одной могильной яме, а в курганах №№ 5, 7, 9, 10[8] и № 2 раскопок М.М. Герасимова — по две. Все могилы квадратной или подквадратной формы, размером от 1x1 до 2,8x2,4 м и глубиной до 1,20 м. В большинстве случаев в них прослежены остатки наката с берёстой. Стенки могильных ям, как обычно, были обставлены столбиками диаметром в 10-12 см.

В курганах №№ 1 и 2 раскопок М.М. Герасимова в средней части длинной стороны могильных ям стояли более толстые брёвна, диаметром до 18 см, служившие опорой для настила. В могильной яме № 2 кургана № 7 такие же столбы стояли по углам могилы, а в центре этой могилы стоял массивный столб (диаметром в 35 см), нижним концом опирающийся на 2 каменные плитки.

Конструкция могилы этого кургана несколько необычная. Обе могилы расположены рядом без перемычки и по существу являются

одной могилой, имеющей форму в виде буквы Г. Южная часть ямы, названная могилой № 1, совершенно разрушена грабителями. Вероятно, обе части могилы во время их сооружения были отделены друг от друга перегородкой из столбиков, за пределы которой грабители не проникли, не зная о существовании соседней могилы. Северная могила оказалась неразграбленной, и в ней сделаны очень интересные находки, о которых будет сказано ниже. Под насыпью кургана № 10 с западной стороны могилы № 1 найден костяк взрослого человека, лежавший головой на ССЗ. Его ноги были разбросаны грабительским ходом. Посредине между могилами этого кургана, немного ниже уровня древнего слоя был обнаружен большой горшок из грубой глины, поставленный вверх дном на каменную плитку. Внутри него были найдены сожжённые кости человека. Такой обряд трупосожжения был встречен С.А. Теплоуховым на Саргашинском увале близ Батеней.[9]

В заполнявшей могильные ямы земле, перемешанной с плитняком, находились обломки кыргызских ваз, а в курганах №№ 1, 2, 3 и 5 — кости человека, весьма плохой сохранности. Их подсчёт позволяет предполагать для курганов №№ 2 и 3 парные погребения мужчины и женщины. Во всех остальных могильных ямах погребения были совершены в виде трупосожжения, от которого найдены жжёные кости.

По определившейся традиции для кургана этого типа, в насыпи 2-х курганов (№№ 1 и 5) Уйбатского Чаа-таса нами были найдены тайнички — склады с принадлежностями конской сбруи. В кургане № 1 под насыпью с южной и северной стороны могильной ямы оказались два кострища. Рядом с северным кострищем, на нижнем ряду плит насыпи лежали в кучке пара железных согнутых стремян с прорезным овальным подножием и плоской квадратной петлёй, удила с эсвидными псалиями, украшенные головками баранов, плоские и трёхгранные шипастые железные стрелы, долото, нож и обломки оковки седла.[10] В тайничке кургана № 5 наблюдается совершенно то же явление. В западной части насыпи, по середине между 2-мя могильными ямами, в кучке были сложены прекрасной сохранности железные витые удила с эсвидными псалиями, украшенные головками баранов, на концах покрытые растительным узором с кое-где сохранившейся золотой насечкой (рис. 29), и три стремяни — все разных форм. Одно из них с овальным, широким прорезным подножием (рис. 20), другое с плоским овальным подножием и массивной петлёй, с выступающим острым углом (рис. 21). Третье стремя представляет собой совершенно исключительный образец китайского искусства. Вся его поверхность покрыта инкрустированным серебром, растительным орнаментом, по которому в нескольких местах разбросаны бронзовые цветы и порхающие птички (рис. 23).

В могильных ямах описываемого могильника на дне всегда находились в значительном количестве кости баранов. Особенно много их было во второй могиле кургана № 5, где найдены кости (главным образом хребтовые части) от 13-ти баранов. В кургане № 8 были положены части 7-и, а в кургане № 9 (мог. 1) — части от 4-х баранов. Кроме того, в отдельных случаях (к. № 6 и Герасимовский курган № 1) были найдены кости коровы и телёнка.

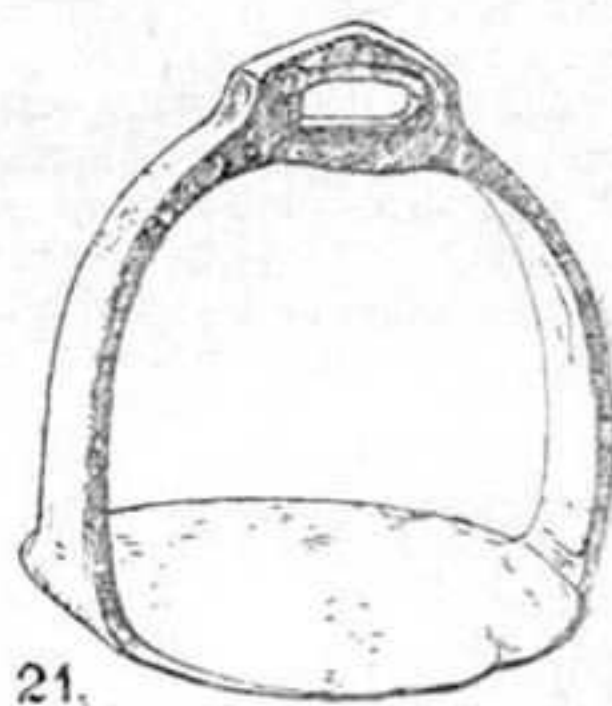

Рис. 20—22. Уйбатский Чаа-тас.

Посуда из могил Уйбатского Чаа-таса представлена четырьмя группами.

Во-первых, в могиле № 1, кургана № 9, найден берестяной туесок овальной формы, на тулове которого процарапаны стилизованное изображение верблюда, а сзади его двухколёсной повозки, м. б. солнечной колесницы, трактованной в виде тройной спирали. Перед верблюдом вырезано человеческое лицо с глазами и бровями, но без носа и рта. Позади повозки процарапан знак в виде полукруга (рис. 24). Поражает смелость и уверенность художника, сделавшего этот рисунок... Отчасти он напоминает скальные рисунки кыргызской эпохи, но там мы обыкновенно видим реалистические изображения людей и животных, на туеске же дана условная стилизация, особенно повозки. Может быть этот рисунок следует отнести к кругу идеографических изображений, о которых будет сказано ниже, в связи с находкой сосуда в кургане № 2.

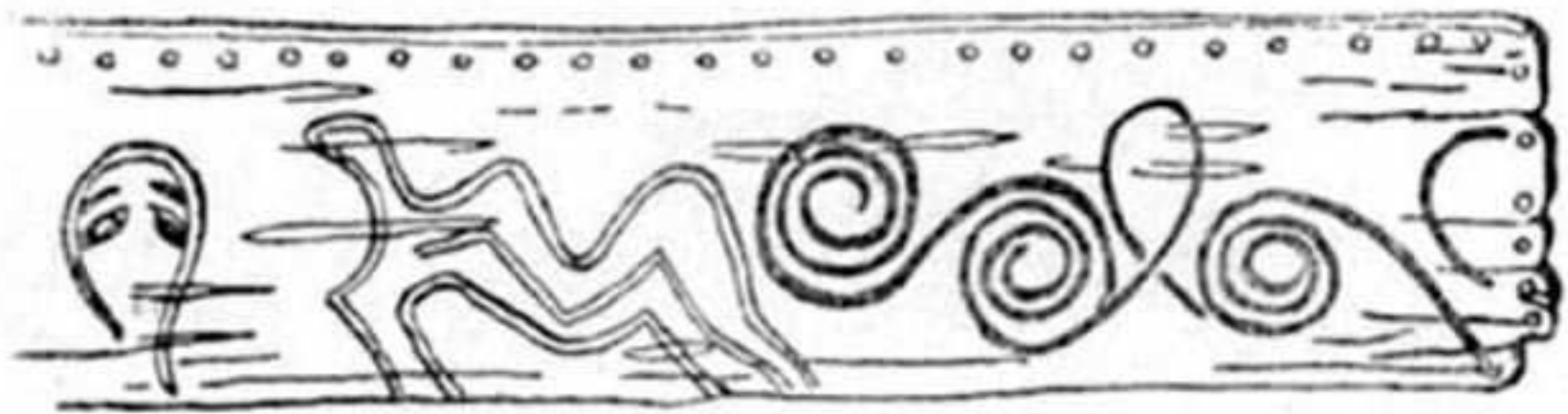
Вторая группа посуды — это кыргызские вазы. Благодаря тому, что курганы в большинстве случаев были ограблены, главным образом попадались обломки ваз, но в курганах №№ 3, 7 и 9 были найдены целые вазы по 2-3 в каждой могиле. Во 2-й могиле 7-го кургана одна из ваз отличается большим размером, имея в высоту 49 сантиметров. Другая ваза из этой же могилы интересна своим орнаментом. Между верхним пояском (идушим у основания горла) и нижним (на середине тулова) расположены трёхугольники, образованные из раздваивающихся полос, идущих от верхнего и нижнего поясов поочередно (рис. 25).

Интересна также ваза из 1-й могилы 9-го кургана. Она сделана из обычного для кыргызских ваз теста, но леплена не на кругу, а от руки, вследствие чего форма её неуклюжа и асимметрична, с выступающим одним боком.

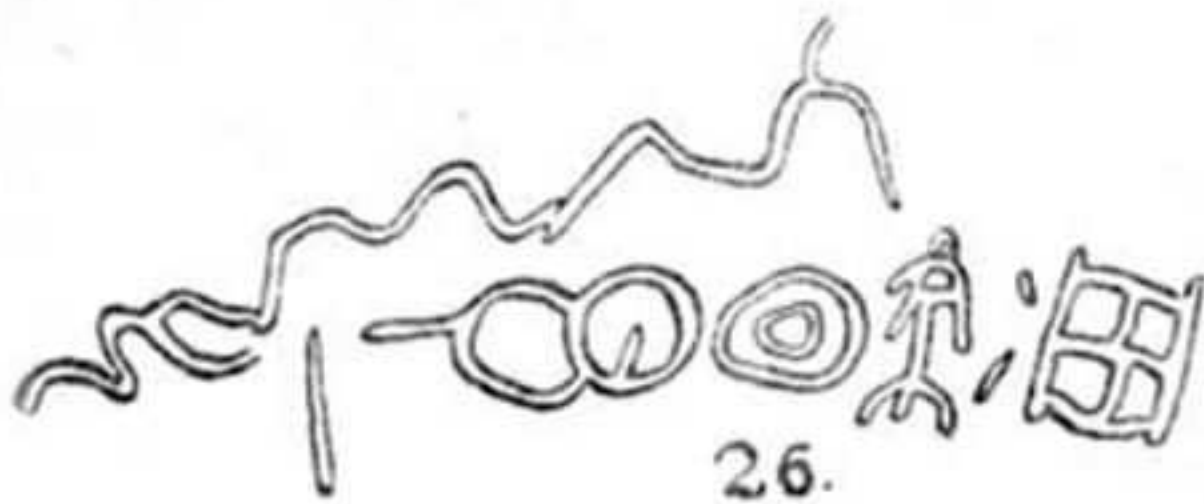

Рис. 23. Уйбатский Чаа-тас.

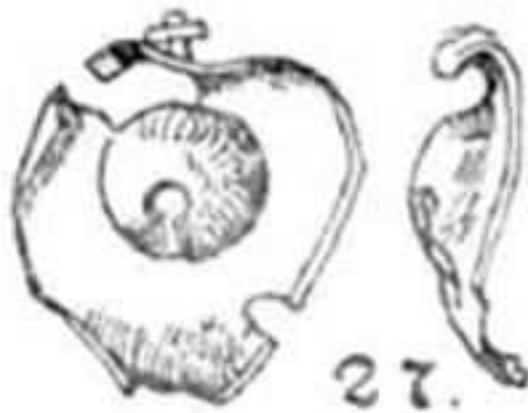
24

26.

25.

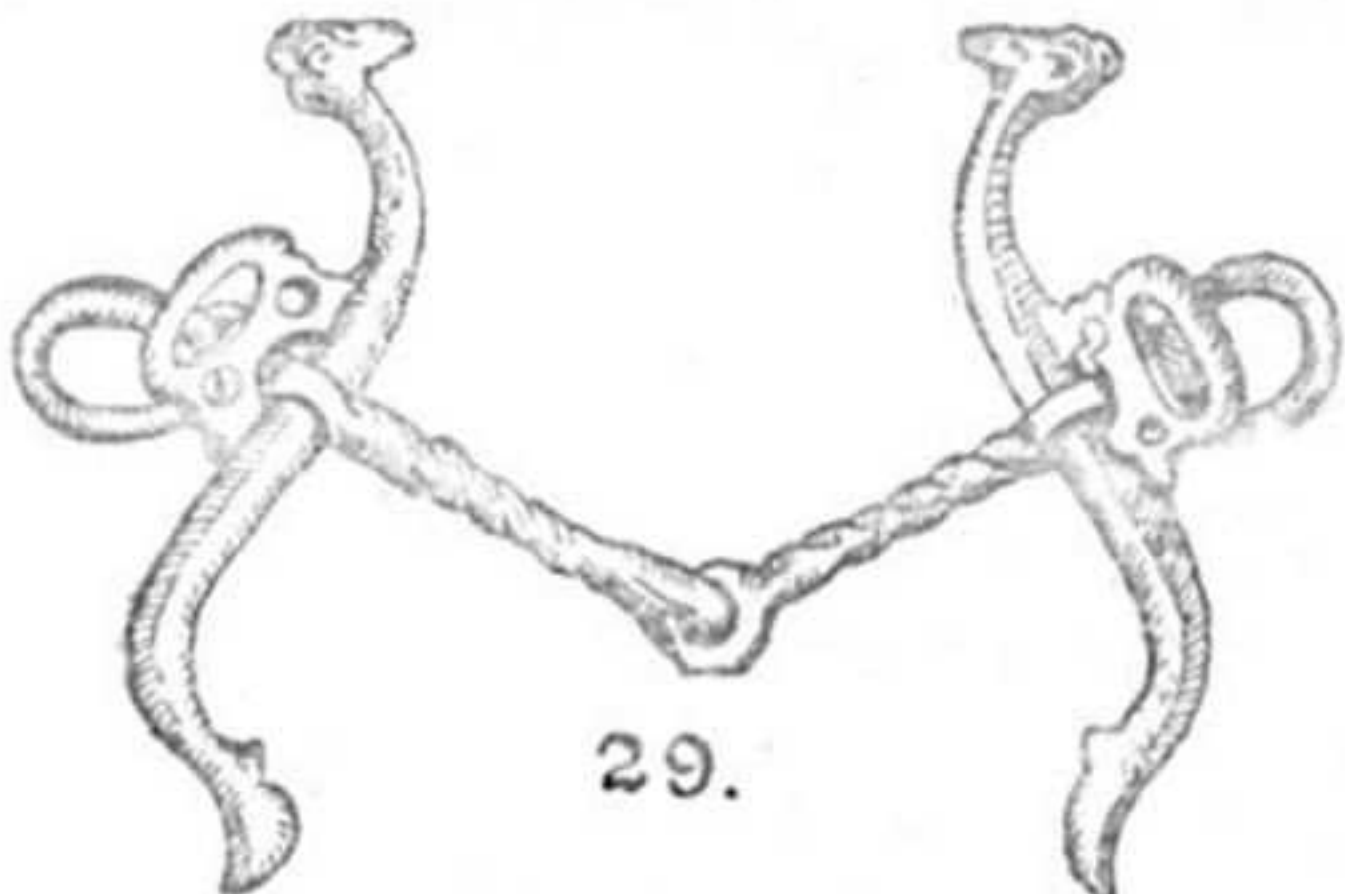
27.

30.

28

29.

Другая ваза из этой могилы носит на себе следы починки: верхняя часть вместе с горлом в своё время была отломана, а затем по линии излома были просверлены дырочки, через которые ремешком или верёвкой были закреплены верхняя часть вазы с нижней.

Третья группа представлена серией грубых сосудов, лепленных от руки.

В кургане № 2 найдена нижняя часть такого сосуда с нацарапанными по сырой ещё глине тамгообразными знаками, может быть, надписью, эти знаки расположены в одну строчку и, рассматривая их слева направо, сначала мы видим две черты: вертикальную и горизонтальную (в виде буквы «г»); затем подряд три круга. 1-й простой, 2-й с вертикальной чёрточкой от центра вниз и 3-й концентрический, состоящий из двух вписанных кругов. Следующий знак похож на человеческую фигуру, своей трактовкой напоминая фигурки людей тагарских скальных рисунков. Предпоследний знак неясен из-за плохой сохранности поверхности глины на этом месте — здесь видна только часть слегка наклонной вправо черты, и, наконец, последний знак в виде квадрата с вписанным в него прямым крестом. Поверх этой строчки знаков, начинаясь немного левее первого знака, процарапана из нескольких штрихов зигзагообразная линия, которая оканчивается над знаком «человека» (рис. 25). Может быть, здесь мы имеем изображение горного хребта, на фоне которого нанесена описанная выше идеографическая сцена — надпись тамгообразными доорхонскими знаками.^[11] Однако в эпоху исследуемых курганов орхоно-енисейская письменность уже существовала: на каменном столбе, вкопанном у середины северной стороны кургана № 1, была в своё время орхонская надпись, от которой уцелели два знака.

В связи с этим вопросом тогда же нами были приняты меры к выяснению места, где был найден экспедицией Русского музея относящийся к четвёртой группе посуды Уйбатского Чаа-таса серебряный сосуд с орхонской надписью на дне.^[12] К сожалению, архив этой экспедиции утрачен и подробности его находки неизвестны.

Все опрошенные вами хакасы, очевидцы раскопок С.А. Теплоухова, указали на единственный курган, раскопанный в том же ряду, что наши курганы (рядом с курганом № 3).

Своей формой этот сосуд напоминает кувшинчик в руках у каменного изваяния № 11 из с. Кулада — Онгудайского аймака Ойротии (Алтай),^[13] а также близок к серебряным кувшинчикам из раскопок Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С.В. Киселёва у с. Туяхта,^[14] и из раскопок В.В. Радлова у с. Катанда.^[15] Среди восточных сосудов Эрмитажа, связанных с сасанидской группой, также есть аналогия.^[16] На днищах кувшинчиков из Туяхты и Катанды имеются орхонские надписи, а погребения датируются VII-VIII веками. Серебряный кувшинчик с орхонской же надписью на дне, найденный в (25/26)

кургане № 1 группы Тадила в Курайской степи,^[17] несколько отличается по своей форме от описанных выше, но зато он тождественен с золотыми сосудами Копёнского Чаа-таса, с такими же надписями и, тем самым, все эти погребения Алтая и Среднего Енисея объединяются в один круг памятников.

Связь орхоно-енисейской письменности с крупными каменными курганами Уйбатского Чаа-таса устанавливается совершенно точно. К такому же выводу можно было прийти и в отношении аналогичных курганов Чаа-таса за рекой Ташебой. Здесь следует вспомнить о серебряном сосуде с орхоно-енисейской надписью, хранящемся в Эрмитаже и описанном П. Мелиоранским[18]. Этот сосуд происходит из Сибири и был найден в могиле. На основании изучения орфографических особенностей надписи («Будь славен Сепинлиг») П. Мелиоранский её датирует VII веком н. э. Интересны также его сведения о тамге, вырезанной посередине дна сосуда. Она очень хорошо сопоставляется с тамгами белоюсских качинцев Абаканской инородной управы и также племени Хобый, жившего на верховьях рек Еси и Таштыпа (притоков Абакана). Причём сходство с первыми у тамги эрмитажного сосуда большее, чем со старыми.

Приведённая на рис. № 2 статьи П. Мелиоранского пальметка ручки сосуда своей формой напоминает бронзовые бляхи со схемой цветка из тайника № 1, из 6-го кургана Копёнского Чаа-таса (рис. 56), в свою очередь тождественные с бляшками уздечного набора из могилы около Наинта-Сума, в Северной Монголии, хорошо датированной шёлковой сасанидско-китайской тканью VI-VII века.[19] Такая же бляшка, но золотая, была нами найдена и в кургане № 9 Копёнского Чаа-таса (рис. 42). Таким образом, этот сосуд может быть датирован VII веком не только при помощи орхонской надписи. К этому же времени нас приводит и форма этого сосуда. Она хорошо известна по находкам золотых сосудов Копёнского Чаа-таса, клада в верховьях реки Биджи[20] и на Алтае из раскопок степи (Тадила) и у с. Туяхты.

Учитывая всё сказанное выше, мы можем прийти к выводу, что серебряные сосуды как с орхоно-енисейскими надписями, так и без них, имели широкое распространение в минусинской котловине в VII-VIII веках, и, следовательно, каменные курганы Уйбатского Чаатаса, благодаря находке в одном из них такого кувшинчика, могут быть отнесены к этому же времени.

Очень важны находки в двух курганах (№ 5, могила 1 — из раскопок С.В. Киселёва и № 1 — из раскопок М. М. Герасимова) бронзовых пластинок с изображением конских головок. В одном из них пластинка была с двумя головками (к. № 1) и в другом с одной (к. № 5). Выше, при описании 1-й группы кыргызских погребений, мною уже была приведена находка подобной пластинки из кургана № 1 у с. Теси. Несомненно, что вся серия этих находок свидетельствует о преемственности кыргызской культуры от таштыкской, где пластинки с изображением парных головок животных имели необычайно широкое распространение. В некоторых родовых усыпальницах таштыкской эпохи Уйбатского Чаа-таса и других эти пластинки находились в десятках экземпляров.

(26/27)

В кургане № 2 найдена трёхугольная, с округлённым верхом подвесная бляшка из тонкой бронзовой пластинки с полушаровидной выпуклостью посередине, имитирующей бубенчик (рис. 27).

В верхней части этой бляшки имеется гвоздике четырёхугольной пластинкой, при помощи которого она прикреплялась к ремню. Подобного рода бляхи от шлеи конского седельного убора широко известны в сбруйных наборах кочевнического мира. Иногда они украшены полушариями-бубенчиками,[21] иногда эти выпуклости делались в виде человеческих личин среди растительного узора.[22] Весьма вероятно, что бляхи с личинами относятся к несколько более позднему времени, и их распространение прослеживается очень широко. Так, например, к этому кругу памятников принадлежит бляха из кургана № 23 Гнёздовского могильника, датируемого А.А. Спицыным X-м в.[23] Более подробно об этих памятниках будет сказано ниже, в связи с находками на Копёнском Чаа-тасе. На дне могилы № 2 седьмого, кургана найдена резная деревянная фигурка барана (рис. 28). Дерево, из которого он сделан, очень плохой сохранности, уцелела только голова и передняя часть туловища. Его голова и шея обложены довольно толстым листовым золотом, сохраняющим форму самой скульптуры. Кроме того сохранились обломки серебряного листка, которым было обложено туловище барана. Голова барана сделана в высшей степени реалистично. Очень живо передан горбатый нос и круглые рубчатые рога. Несколько схематически изображены уши, помещённые в завороте рогов.

Эта находка не является единственной в своём роде. В 1934 году В.П. Левашева в одном из курганов 1-й группы близ Капчальского баритового рудника нашла две совершенно такие же фигурки баранов, причём один из них с такими же рубчатыми рогами (рис. 105). К сожалению, фигурка уйбатского барана сильно разрушена, но, несомненно, что он был такого же размера, как и капчальский, т. е. длиной около 16-17 см.

Все три фигурки баранов настолько схожи между собой как по размеру и техническим приёмам, так и по характеру изображения, что невольно возникает предположение о том, что они сделаны одним и тем же мастером-художником.

Несомненно, что традиция сопровождения покойника деревянными фигурками баранов, обложенными золотом, в кыргызских погребениях идёт из предыдущей таштыкской эпохи: при раскопках таштыкских родовых усыпальниц на Уйбатском Чаа-тасе С.В. Киселёвым в 1938 г. была найдена фигурка барана с поджатыми ногами. Её размеры и внешний вид иные, но традиция, конечно, та же.

Описанные выше находки в двух тайниках уйбатских курганов №№ 1 и 5 и в засыпи могилы № 1 7-го кургана конского снаряжения дают основания для датировки по аналогиям с венгерскими памятниками и приводят нас к VII веку н. э.

Железные удила с витым стержнем и двойной перевитой петлёй из кургана № 7 (рис. 22) сходны с удилами из Сцегед[24] и Сцико,[25] датируемые VII веком.
(27/28)

Железные удила из тайников курганов № 1 и № 5 совершенно одинаковы. У них эсовидные псалии, с одного конца заканчивающиеся головками баранов, с другого — уплощённой лопаточкой. Эта форма удил с эсовидными псалиями в венгерских древностях Сцирак[26] датируется VII веком.

Стремена, найденные в тайниках, различных форм. Пара стремян из кургана № 1 с прорезным овальным подножием и плоской квадратной петлёй по многочисленным находкам в Венгрии очень устойчиво датируется VII веком[27] так же, как и стремя из кургана № 5 с уплощённой несомкнутой петлёй, с прорезанным овальным подножием[28] (рис. 20).

Несколько более поздним временем в этом круге памятников может быть датировано стремя из кургана № 5 (рис. 21) с плоским овальным подножием, четырёхгранными дужками и трёхугольной плоской петлей. Однако, возможно, что в минусинской котловине эта форма возникла несколько раньше, чем в венгерских степях, где она бытовала уже в IX-X вв. [29]

Замечательным по своей художественной ценности является массивное железное стремя из тайника кургана № 5 (рис. 23). Верхняя петля в виде высокой лопатки заканчивается сверху треугольным срезом. Отверстие для ремня путлица узкое, четырёхугольное, расположено в нижней части лопатки. Дужки стремени трёхгранные, в нижней части переходят в овальное полукруглое подножие.

Вся поверхность стремени заполнена узорной насечкой из серебра и меди (или бронзы). На дужках, с каждой стороны среди растительных серебряных завитков, разбросаны по 6 порхающих птичек, летящих вверх по направлению к цветку, являющемуся центральной частью композиции и расположенному в нижней части петли. Каждая птичка сделана по-своему, в их позах нет повторений. Часть из них изображена со спины, часть со стороны брюшка, все они отличаются необыкновенной легкостью и изяществом в сочетании с предельным реализмом. Внутренний край дужки окаймлён серебряной полоской, переходящей на краю подножия в двойную волнистую линию. На внутренней стороне подножия овал из бронзовой полоски. Среди серебряных растительных завитков в центре помещены два перекрещенных цветка с листиками из бронзы. Справа и слева помещено по бронзовой летящей птичке с головами, обращёнными к цветам.

На оборотной стороне подножия два продольных ребра. По краям расположены растительные виньетки из серебра, а в середине в три ряда разбросаны отдельные серебряные трёхлепестковые пальметки и две волнистые черточки. По наружному ребру дужек проведена серебряная полоска, заканчивающаяся у виньеток тремя лепестками. Вдоль бортика верхней петли серебром нанесены по три волюты.

Для выполнения орнамента на поверхности стремени сначала наносился контур рисунка двумя параллельными желобчатыми линиями, пробитыми плоским чеканом, с наклоном щели к внешней стороне.

В проделанные таким способом пазы зачеканивалась серебряная или бронзовая пластинка узора. Разработка дополнительных деталей (28/29)

на поверхности цветов и птичек нанесена при помощи пунктирного чекана, сильно напоминая своей техникой разработку деталей рисунка на рельефах сцен охоты из тайников 6-го кургана Копёнского Чаа-таса, и отчасти напоминает технические приёмы чеканки сложного композиционного рисунка на золотой тарелке из второго тайника 2-го кургана этого же могильника (их описание приводится ниже).

Несомненно, что художественное оформление стремени таково, что оно могло выйти только из рук первоклассного специалиста, одарённого тонким художественным вкусом и высоким мастерством.

Благодаря тому, что стремя во время обряда трупосожжения побывало в огне, все серебряные насечки сплавилась в капли, а медные части узора довольно сильно попорчены.

Три гладких бронзовых стремени совершенно аналогичной формы мы находим среди северо-китайских бронз, хранящихся в музее Фильда в Чикаго. Они отнесены там к ханьскому времени, в чём издавший их Ростовцев [30] справедливо сомневается, правильно считая их более поздними. Если перейти к рассмотрению орнаментики нашего стремени, то это сомнение вполне оправдывается.

Рис. 31. Китай.

Прежде всего обратимся к цветам, украшающим нижнюю часть петли и являющимся центральным местом композиции. Просматривая публикации китайских памятников танского времени, мы встречаем именно такие же цветы, в совершенно такой же композиции. В коллекции Гутмана (Ф. Гутман, Хеесте-де Холланд) имеется золотое блюдо, на поверхности которого в центральной части изображены две обращённые друг к другу головами птицы — фениксы, а сверху и снизу помещены два цветка, исполненные в той же манере, что и цветы на нашем стремени^[31] (рис. 31). Ближайшие аналогии нашим птичкам мы опять же находим в танских древностях. Так, на бронзовом зеркале, из коллекции Лу, украшенном рельефным растительным орнаментом в фигурками зверей и птиц, мы видим совершенно таких же птичек, как наши, в различных позах полёта. На другом бронзовом зеркале танской же династии одна из птичек изображена совершенно в той же позе полёта, как нижние птички уйбатского стремени.

В более раннюю эпоху, в ханьское время, в китайской орнаментике постоянно встречаются птицы, но они не такие, как на уйбатском стремени. Больше всего уйбатские птички напоминают воробьёв,
(29/30)
и в китайской орнаментике они, появляясь в танскую эпоху, встречаются и в более позднее время.

Подводя итоги всем приведённым выше аналогиям, мы можем с уверенностью прийти к выводу, что стремя Уйбатского Чаа-таса не является произведением местного кыргызского искусства. Это видно из того, что его форма отличается от стремян, сделанных кыргызскими мастерами, но целиком совпадает с формой стремян из северного Китая. Анализ орнамента, украшающего его поверхность, так же приводит нас к произведениям искусства танского Китая.

Найденный в насыпи могилы № 1, кургана № 7, Уйбата железный кинжал (рис. 30) необычен для древностей минусинской котловины этой эпохи.^[32] По своей форме это однолезвийный кинжал с резко отогнутым в сторону коленчатым черешком. У основания черешка приделана широкая пластинчатая обойма, выше которой находится подвижное напускное перекрестье с гвоздевидными коническими концами и расширениями посередине каждой стороны. На черешке сохранился один гвоздь с широкой шляпкой, которым была закреплена накладная часть рукоятки. Об её толщине в 17 мм можно судить по длине гвоздя.

Железные наконечники стрел из тайника 1-го кургана разнообразны по своим формам: трёхгранные, плоские. Очевидно в тайник был положен набор стрел и колчан, потом сгоревшие при трупосожжении, т. к. все вещи из этого тайника носят на себе следы воздействия огня. Трёхгранные узкие шипастые стрелы с круглыми прорезями находят себе аналогии среди венгерских VII-VIII веков, причём указанный тип впервые встречается ещё в Ишимском кладе, отличающемся сильным таштыкским влиянием.

Все эти наконечники стрел были широко распространены у кочевников VII-VIII веков.

- [6] Археологические исследования в РСФСР, 1934-1936 гг. Краткие отчёты и сведения под ред. В.В. Гольмстен. АН СССР, М.-Л., 1941 г., стр. 316-317.
- [7] Л.А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Труды ГИМ, в. IX.
- [8] Курган, раскопанный С.А. Теплоуховым, занесён нами на план под № 4, но нам ничего неизвестно о его структуре.
- [9] С.А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, в. 2, стр. 55.
- [10] Рисунки предметов из кургана № 1, см. Евтюхова Л.А. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Труды Гос. исторического музея, вып. IX.
- [11] Это мнение С.В. Киселёва приведено мною в работе «К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее», стр. 120.
- [12] Хранится в Гос. этнографическом музее в Ленинграде. Материалы по этнографии, т. IX, в. 2. 1920 г., стр. 57, р. 25.
- [13] Л.А. Евтюхова. Каменные изваяния северного Алтая. Труды ГИМ в. XVI, рис. 11 и рис. 15-III.
- [14] Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв. Отчёт о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. — Труды ГИМ, XVI, табл. 11, рис. 2.
- [15] Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи, СПб, 1909, табл. XCII, рис. 109.
- [16] Орбели и Тревер, Сасанидский металл, № 54.
- [17] Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв. Отчёт о работах Саяно-Алтайской экспедиции за 1935 г., табл. 1.
- [18] П. Мелиоранский. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. Записки восточного отделения ИРАО, т. XIV, в. 1, стр. 17 и табл. 1.
- [19] Северная Монголия. Вып. II. Л. 1927, стр. 73-75, табл. IV, 9-20.
- [20] Восточное серебро.
- [21] Минусинский музей, инв. № 7104, с. Табат, Бейского р-на, Хакасской а. о.
- [22] Например: В.П. Левашева. Из далёкого прошлого южной части Красноярского края, табл. XVI, рис. 25, с. Б. Салба.
- [23] А.С. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ., зап. отд. русск. слав. арх. ИРАО, т. VIII в. 1, СПб, 1903, стр. 185 и 204, рис. 19.
- [24] Хампел, И. Алтертүмер дес фрууен Миттелалтерс ин унгарн, т. II, стр. 114—115+94—95.
- [25] Хампел, ук. соч., т. II, 314, 240—3.
- [26] Хампел, ук. соч., т. II, 84—86—68—3.
- [27] Болеске 11. 315—310+241—2,3; Сцегед (11 — 114—115), т. 94—8; Сцнко (11 272—273)+208,2; Нагу—Манцок (11—360)+271—2; Щокмё (11 362—63 +273-1, 7. и т. д.
- [28] Там же: Реголу (11 229—230)+183. 9; Сцико (11 314+240—1 и 2 гр 552; Болеске (11 315—316) + 241—1 (VI век); III Сцент—Эндре (11— 345)+265—3; Касса (11—365—366)+275—1 (VII-VIII век.)
- [29] Там же.
- [30] Ростовцев М. Анимал Стил, Оксфорд., 1929, Пл. XXIII, ориг. 4, левое стремя особенно тождественно с нашим.
- [31] И. Астон, Б. Грау, — Хинезе Арт, стр. 150, рис. 47-а. — танская династия.
- [32] Кинжал совершенно аналогичной формы изображён подвешенным к поясу на каменном изваянии, обнаруженном нами в 1947 году в котловине Деспен, Тувинской а. о.